

Валерий Брюсов

В такие дни

Содержание

В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА	0006
РОССИИ	0006
ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ (1917–1920)	0007
К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	0009
ПАРКИ В МОСКВЕ	0010
ВЕСНОЙ	0012
НАМ ПРОБА	0013
ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ Инвектива	0014
ТОЛЬКО РУССКИЙ	0016
К ВАРШАВЕ!	0017
МЯТЕЖ	0019
СЕРП И МОЛОТ	0022
НАД МИРОВЫМ КОСТРОМ	0024
В ТАКИЕ ДНИ	0024
НА ВЫСЯХ	0025
ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ	0026
ВЕЩЕЙ УЖАС	0028
РАССВЕТ	0029
ЗАКЛЯТЬЕ ЭРОСА	0030
KLASSISCHE WALPURGISNACHT (Гете, «Фауст», часть 2)	0031
ГИМН АФРОДИТЕ	0032
ШАГИ АФРОДИТЫ	0034
ШАГИ АФРОДИТЫ	0034

СТРЕЛЫ РЕСНИЦ	0036
ПОСЛЕ ДОЖДЯ	0037
ЕГИПЕТСКИЙ ПРОФИЛЬ	0038
СРОК	0039
ДВЕ ВАЗЫ	0040
НОЧНАЯ УЛИЦА	0041
ХМЕЛЬНЫЕ КУБКИ	0042
ДЛЯТСЯ, ДЛЯТСЯ...	0043
РУКАМИ ПЛЕЧИ...	0044
ОТ СТОЛЕТИЙ...	0045
ЧЕРЕП НА ЧЕРЕП...	0046
ЗАВЕС ВЕКОВ	0048
В ДНИ, КОГДА...	0048
РОМАНТИКАМ	0049
ОДИССЕЙ У КАЛИПСО	0051
ОДИССЕЙ У БЕРЕГОВ ФЕАКОВ (Одиссея, песнь V)	0052
ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ	0054
ГЕРО И ЛЕАНДР	0056
БОТТИЧЕЛЛИ	0057
ВСЕ ЛЮДИ	0058
ПРИВЕТСТВИЯ	0060
А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ	0060
К. Д. БАЛЬМОНТУ	0061
ПАМЯТИ ОДНОЙ	0062
ПАМЯТИ ДРУГОЙ	0063
МАДРИГАЛ	0065
К АДАЛИС	0066

К А —	0067
ПОСВЯЩЕНИЕ	0068
А ЗДЕСЬ, В УМЕ...	0070
В ПЕРВЫЙ РАЗ	0070
ВО МНЕ	0071
БУДЬ МРАМОРОМ	0073
ДЕНЬ	0074
В СМЕРТЬ	0076
ПРЕДЕЛЫ	0077
ОДНО ЛИШЬ	0078
ПЕРВЫЙ МЕРИДИАН	0079
ДЕНЬ ЗА ДНЕМ	0080

**Валерий Брюсов
В ТАКИЕ ДНИ
1919–1920**

В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА

РОССИИ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь,—
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.
Россия! в злые дни Батыея,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?
Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра,—
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?
И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,

Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.
Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам — лишь вершить, что ты решила,
Нам — быть с тобой, нам — славословить
Твое величие в веках!
1920

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ (1917–1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;
Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;
Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,

То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;
В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет Нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;
А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!
Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!
Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общею грудью,
Мы новые гимны поем?
Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!
Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром

Золотую зарю времен.
Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете,
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;
Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властней, все державней
Земные ведет племена!
7 октября 1920

К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Все вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!
Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.
Ты дробишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков,
Отважный! Яростно прынув,

Ты взвил потревоженный прах.
Оседает гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.
И все, и пророк и незоркий,
Глаза обратив на восток,—
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке,—
Видят твой огненный скок.
Там взыграв, там кляня свой жребий,
Встречает в смятеньи земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.
4 декабря, 1920

ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?
Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.
И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические

Силуэты трех старух.
То народными пирожницами,
То крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.
Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испытать,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.
И на площади, — мне сказывали, —
Таи, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель,
Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить, рассученная
Вновь на долгие века!

5 октября 1920

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.
Вот косогор, а вот река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дольней.
Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.
Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознанья и свободы.
Но сила творчества — светла

В глубоких тайниках природы.
Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый Труд
Был торжествующей святыней!
7 июня 1920

НАМ ПРОБА

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вокруг свистит ледяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.
Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»
Кто слаб, в работе грозной гибни!
В прах, в кровь топчи любовь свою!
Чем крепче ветер, тем многозыбней
Понт в пристань пронесет ладью.
В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань, как гранит, влей пламя в вены,

Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.
Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!
Гордись, хоть миги жгли б как плети,
Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

1920

ТОВАРИЩАМ ИНТЕЛЛИГЕНТАМ

Инвектива

Еще недавно, всего охотней
Вы к новым сказкам клонили лица:
Уэллс, Джек Лондон, Леру и сотни
Других плели вам небылицы.
И вы дрожали, и вы внимали,
С испугом радостным, как дети,
Когда пред вами вскрывались дали
Земле назначенных столетий.
Вам были любы — трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль

Погибнет старая Европа?
И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!
Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый.
В обломках троны; над жалкой грудой
Народы видят надпись: «Бренность!»
И в новых ликах, живой причудой
Пред нами реет современность.
То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули?
Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упитья бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий край обетованный?
Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила. как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Февраль и март 1919

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью ваявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;
Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!
Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет,—
Но когда в толпе шумливой,
Слышишь брань и буйный крик,—
Вникни думой терпеливой,
В новый, пламенный язык.
Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!
Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,

Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.
Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам,—
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!
1919

К ВАРШАВЕ!

К Варшаве красноармейцы,
В Балтике английский флот.
Знамена красные, взвейтесь,
Трубите красный поход!
Пусть там, в Европе, смятенье,
Всплески испуганных рук.
На кинематографической ленте
Веков — новый круг.
Та Москва, где Иван Грозный
Плясал пред кровавым костром;
Где в безлюдьи, ночью морозной,
Варваров клял Наполеон;
Где — храмы, святыни, ковчеги,
Дворцы, особняки богачей,—
Сорвалась с тысячелетнего места
И в пространствах, без меты,

В неистовом беге
Летит, ружье на плече.
Над Тверской, над Садовой — самумы,
Над Остоженкой — неистовый вихрь:
Всей республики воплощенные шумы,
Кремля громовые думы,—
Создавать, разрушать, творить.
Рушатся незыблемости зданий,
Новый Капитолий встает;
Водоворот,
Всех заарканив,
В багряном тумане,
В невероятность влечет.
Мы подняты на взбешенных волнах,
На их гребень, как в седло, взметены,
Мы пьяны от брызг соленых,
Копьями звезд пригвождены.
Мы плывем в растущем потоке,
Все заливая кругом,
Пока в смятенной Европе
Над нашим разгромом — стон!
К Варшаве, красноармейцы!
Пусть в Балтике английский флот!
Ликуйте, пляшите, смейтесь —
Над расплавленной яростью вод!

1920

МЯТЕЖ

(Памяти Эмиля Верхарна, как поэта и друга)

В одежде красной и черной,
Исполин,
От земли к облакам
Восстающий упорно,
Властелин,
Диктующий волю векам
Необорно,—
Мятеж,
Ты проходишь по миру,
Всегда
Светел, свободен и свеж,
Как в горном потоке вода.
Возьми
Пламя пожара,
Взбежавшее яро,
Как гигантскую лиру;
Греми
Грохотом рушимых зданий;
Аккомпанируй

В кровавом тумане
Реву толпы,
Сокрушая столпы
Библиотек,
Фронтоны музеев,
Одряхлелых дворцов.

Ужас посеяв,—
Как отравленный дротик,
Кинь свой озлобленный зов:

«За рабов!

Против царей, вельмож, богачей, иереев!

Против всех ставленных!

За подавленных!»

Не все равно ли,

Правда иль нет этот зов!

Ты полон дыханием воли,

Ты силен сознанием власти,

Ты — нов.

Пусть книги горят на кострах дымно-сизых;

Пусть древние мраморы в тогах и в ризах

Разбиты на части

(Заряды для новых орудий!),

Пусть люди,

Отдавшие жизнь за свободу народа,

У входа
Опустелых темниц,
Расстреляны, падают ниц
С заглушенным криком: «Свобода!»
Пусть в шуме
Растущих безумий,
Под победные крики,—
Вползает неслышно грабеж,
Бесмысленный, дикий,—
Насилье, бесстыдство и ложь.
Пусть!

Разрушается старое, значит, поднимется
новое.

Разрываются цепи, значит, будет свобод-
нее.

Прочь — готовое,
Прошлогоднее,
То, что мы знаем давно наизусть!
Необорно,
В одежде красной и черной,
Ты проходишь,
Мятеж,
Ища свой рубеж,
Ты просторы обводишь
Глазами пронзительно-шарящими.

Тебе, чем другому кому,
Известней:
Над пожарищами,
Над развалинами,
Над людьми опечаленными,
Над красотой, обрекаемой тлению,—
В огне и дыму,—
Новой песней,
Встанет новой жизни свет!
Разрушению —
Привет!
1920

СЕРП И МОЛОТ

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот!
Мы землю вновь вспоим трудом,
Меч вражий будет вновь расколот:
Недаром мы, блестя серпом,
Взметнули дружно мощный молот.
Но смело, мысль, в такие дни,
Лети за грань, в планетный холод!
Вселенский серп, сев истин жни,

Толщъ тайн дробя, вселенский молот!
Мир долго жил! Довольно лжи!
Как в осень, плод неспелый золот.
В единый сноп, серп, нас вложи,
В единый цоколь скуй нас, молот!
Но вечно светом вешних верб
Дух человека свеж и молод!
Точи для новой жатвы серп,
Храни для новой битвы молот!
13 мая 1921

НАД МИРОВЫМ КОСТРОМ

В ТАКИЕ ДНИ

Расплавлены устои жизни прежней,
Над мировым костром мы взлет огня.
Еще безумней и опять мятежней,
Вихрь беспощадных искр, взметаю меня!
Мечту пронзили миллионы волей,
Мысль в зареве бесчисленных дум, зорка,—
Ломая, строить новый Капитолий,
Класть цоколи стен, взмеченных в века!
Не пламя ль влито в трепетные жилы?
Мой каждый вздох не роковой ли хмель?
Содружный труд упорно троит силы,
Застлала мглу слепительная цель.
Но в эти дни все взнесено в безмерность,
Жизнь — от земли в зенит веретено!
Желанья — смерч, стальная плаха — вер-
ность,
Победный лавр и иглы пуль — одно!
В святом кругу приветствий и проклятий,
Где жезл Судьбы сметает дни и кровь,
Язвит целебней серп ночных объятий,

Уста к уста́м смерте́льней гнет любовь!

1920

НА ВЫСЯХ

Жизнь трепетов любви не старит,
Где ближе гибель — зорче страсть,
Так бред блаженств с Еленой Парид
Знал в Пергамах, готовых пасть.
За сводом свод возносят годы
Аркады радуг в сто цветов;
Все жгучей синь, все круче всходы
По твердым зернам лунных льдов.
Но в стуже лет, у горных срывов,
Где ветер в ключья рвет мечту,
Властней огонь в руках счастливых,
Свой факел взнесших в высоту.
Что в долах, там, где тмин и мята,
Пьянило дни, — мгновенный мед,—
На высях, здесь, как пламя, свято,
Алтарный дым до звезд влечет.
Смыкайтесь, арки, в белом блеске,
Над черной бездной, в вихре мча —
Сон Паоло и сон Франчески,
Что двух слепил под взвизг меча!

1920

ПОД ГУЛЫ И ВЗРЫВЫ

Вихри войны, кони гибели, не успокоены,
Роя просторы, опоры былого крушат;
В городе черны разломанных окон пробоины,
Громко развалины вопят о днях баррикад.
Ропотом моря вся жизнь вдохновенно
взволнована,
Вносит свой гребень встающая к звездам
волна:
В шторме, растущем безмерно, стихия раскована,
Даль заполняет потоком победным она.
В грозных разгромах, в гудящей над миром
мятежное,
В празднике бури, в неистовстве молний, в
громах,
Что же мы двое, с мечтой о целительной
нежности,
С трепетной песней о счастье немом на
устах?
Легкие листики, взвеяны в сумрачной бурности,
Будем раздавлены, смяты, растоптаны мы

Шагом народов к великой, к всеобщей ла-
зурности,

Ляжем, разъяты, — обломки рассеянной
тьмы?

Нет, в нашей страсти все тот же порыв на-
пряженности,

Отзвук циклона, влекущего мир на свой
суд!

Сладко нам реять над алым провалом без-
донности,

Сладко под гулы и взрывы свой строить
уют.

С вами, кто рушат и зиждут, не тайные ни-
ти ли

Вяжут нас, дерзких, в пожаре поющих лю-
бовь?

В жизни, идущей на смену векам, мы стро-
ители

Вечного храма надежд, восстающего
вновь!

11 сентября 1920

ВЕЩИЙ УЖАС

Рук ласковых касанья; приближенья
Губ страждущих; истома глаз ночных;
Предчувствующий трепет достиженья;
Прерывный вздох за грань кругов земных!
Вы, древние, проверенные чары!
Вопль троглодита в алой мгле времен,
Бред элина во храме, гунна ярый
Восторг, Тристана и Изольды сон!
Вы, дрящущиеся в мертвых небоскребах,
Под скрежет революций, в дни войны,
Вы в гибелях, вы в благостях, вы в злобах,
Таящиеся вопли, бреды, сны!
Кто вырвет вас из мировых сознаний,
В костре куст лишний, чтоб не тмился
свет?

Тебя спалит, — одну сквозь сто назва-
ний, —

Изида, Афродита, Аштарет!

Мы — человечества всплеск, мы — поэты,
В огне веков как можем не гореть?

Пусть гимны ночи в Атлантиде петы, —
Нам страсти вещий ужас — вечно петь!

8 сентября 1920

РАССВЕТ

Никнут тени, обессилены;
На стекле светлей извилины;
Мертвой тайны больше нет...
Не безумно, не стремительно,—
Скромно, с нежностью медлительной
В мглу ночную входит свет.
Мгла, в истомном утомлении,
Спорит миг за мигом менее,
Властью ласк побеждена;
Воле дня перерожденного,
Новой жаждой опьяненного,
Отдает свой вздох она.
Над безвольной, над поверженной
День взволнован в страсти сдержанной,
Шепчет вкрадчиво: «Молчи!..»
Полно длить предел обманчивый,
Казнь любовную заканчивай,
Кинь слепительно лучи!

4 сентября 1920

ЗАКЛЯТЬЕ ЭРОСА

Проходя страду земную
Горьких лаек и сладких мук,
Помни, вверясь поцелую,—
Любит лишь мечту двойную
Эрос, туго гнуций лук.
Он решил, он повелел
Кроткой строгостью заклятий,
Чтоб восторг двух разных тел
Равным пламенем горел
На костре ночных распятий.
Богу ран животворящих
Ненавистен страстный вскрик,
Если он, во мглах крутящих,
В миг разъятий единящих,
Из одной груди возник.
1920

KLASSISCHE WALPURGISNACHT[1]

(Гете, «Фауст», часть 2)

Ночи, когда над городом
Дымы лесных пожаров,
А выше — эллинским мороком —
Гекаты проклятые чары,—
Все углы виденьями залили,
Закружив их дьявольским вальсом,
И четко судьбы сандалиии
Стучат по изрытым асфальтам;
Дыша этой явью отравленной,
Ловя в ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двух голубков Афродиты.
Лот любви, моряк озадаченный,
Бросай в тревоге бессонных вахт,—
Иль в Советской Москве назначена
Klassische Walpurgisnacht?
Подползают на брюхе сфинксы,
Стимфалиды взмывают крылом,
Чу! скачет сквозь мрак лабиринтский
Мудрый кентавр Хирон.
Куда? Не к Елене ли?

Лебедем в гриву вплетись,
Неги Эгейские вспенивай,
К Скейским высотам мчись!
Город иль море?
Троя иль Ресефесер?
Мы с Фаустом поспорим
В перегонке сфер!
Запрокинулась Большая Медведица,
Глаз Гекаты метит гостей,
А дым пожаров все стелется,
Заливая нашу постель.
1920

ГИМН АФРОДИТЕ

За длительность вот этих мигот странных,
За взгляд полуприкрытый глаз туман-
ных,

За влажность губ, сдавивших губы мне,
За то, что здесь, на медленном огне,
В одном биении сердце с сердцем слито,
Что равный вздох связал мечту двоих,—
Прими мой стих,
Ты, Афродита!
За то, что в дни, когда поля, серея,
Покорно ждут холодных струй Борея,—

Твой луч, как меч, взнесенный надо мной,
Вновь льет в мой сад слепительность и
зной,

Что зелень светлым Аквилоном взвита,
Что даль в цветах, и песни реют в них,—
Прими мой стих,

Ты, Афродита!

За все, что будет и не быть не может,

Что сон, и этот! будет скоро дожит,

Что видеть мне, в час сумрачных разлук,

Разомкнутым кольцо горячих рук,

Что тайно в страсти желчь отравы скрыта,

Что сводит в Ад любовь рабов своих,—

Прими мой стих,

Ты, Афродита!

8 сентября 1920

ШАГИ АФРОДИТЫ

ШАГИ АФРОДИТЫ

*Шагам Юпитера пристало удаляться,
Когда Венерины послышатся шаги.
Адалис*

Мойры

Слышишь! по узорам плит
Серебристый шаг звенит.
Мойр веления исполни,—
Уходи, владыка молний.

Геба

Над Олимпом сумрак синь,
Трон блистающий покинь,—
Там, где в брачных звездах небо,
Только юность любит Геба.

Афина

Я во мгле клоню свое
Днем горящее копьё.
Нестерпим богине мудрой
Взор Киприды златокудрой.

Афродита

Я иду смеясь, смеясь,

Между мной и ночью вязь,—
Пояс мой, соблазном свитый.
Зевс! клонись пред Афродитой.

Зевс

Я к Данае, в сне ночном,
Золотым сошел дождем;
Летним днем был горд победой,
В лике лебеда, над Ледой;
Для Семелы тень была,
Там, где я, всегда светла;
Долго длилась ночь без смены
Для меня близ уст Алкмены;
В свете, в сумраке, везде,
В храме, в роще, на воде,
Я готов в борьбе открытой
Пасть, сраженным Афродитой.
21 июля 1920

СТРЕЛЫ РЕСНИЦ

Еще в мечтах чернеют стрелы
Твоих опущенных ресниц;
Но день встающий, призрак белый,
В пепл обращает уголь горелый,
Пред правдой властно клонит ниц.
Еще мечта нежна, как голос
Волынки, влившейся в рассвет,
Дрожит, как с ветром свежий колос,
Но щеки жжет мне белый волос,
Немая память долгих лет.
Клятв отзвучавших слишком много
И губ, томивших в темноте.
Полмира сжав, моя дорога
По горным кряжам всходит строго,
Ах, к той вершительной мете!
День торжествует, Солнце лепит
Из туч уборы древних жриц,
Вот-вот мир пламенем оцепит...
Но в глубях тихих — черный трепет
Твоих опущенных ресниц.

23 июля 1920

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Был дожде и замер; молний взвизги
Устали; тень сближала нас;
На темных стеклах стыли брызги;
Плыл призраков любимый час.
Твои глаза так были близко,
Так хрупок шум твоих волос.
Бег мерный месячного диска
Кропил нас мглой безвлажных рос.
Пусть две мечты двух душ не слитых
Томил во тьме несходный сон,
Но двум мирам на их орбитах
Миг встречи был судьбой сужден.
Звезда к звезде в пространствах млечных
Влеклась, — мячи враждебных сил, —
Чтоб встал огонь из сшибок встречных,
Ночь неба кровью опалил, —
Чтоб смерч стораний, вихрь бесструнный
Над слухом чутким в век вознес —
Тишь бледных брызгов, отзвук лунный
И хрупкий шум твоих волос.
28—29 июля, 1920

ЕГИПЕТСКИЙ ПРОФИЛЬ

*Твои мемфисские глаза.
Me eum esse*

Когда во тьме закинут твой,
Подобный снам Египта, профиль,—
Что мне, куда влекусь за тьмой,
К слепительности ль, к катастрофе ль!
Разрез чуть-чуть прикрытых глаз,
Уклоны губ чуть-чуть надменных —
Не так же ль пил, в такой же час,
Ваятель сфинксов довременных?
Когда над ним, в забвенный год,
Свой суд в Аду вершил Озирис,
Не был ли принят в счет щедрот
Вот этих век извивный вырез?
Застылый очерк бледных щек
Таит всю быль о давнем брате:
Его сквозь сумрак вывел Рок
К палящей пропасти объятий.
Вдавлив уста в холодный лик
Той жрицы Гора иль Изиды,
Он гневно в камень вбросил крик
Восторга иль глухой обиды.

Всё отошло; но Сфинкс в века
Пронес его мечты и гибель.
Где ж тайна их? в чертах виска?
В той выгнутости ль? в том изгибе ль?
Хочу и я, как дар во храм,
За боль, что мир зовет любовью,—
Влить в строфы, сохранить векам
Вот эту тень над левой бровью.
1 августа 1920

СРОК

Я знаю, ты, земля, вращеньем быстрым
Свой старый шар влечешь во мрак и
свет,

Просторы разных стран бросая вслед
То крикам рынка, то полночным систрам.
С полмиром кинут я теперь во тьму,
Полсуток ждать мне солнечного восхода,
Слежу без звезд по дугам небосвода,
И глубь ночных часов страшна уму.
Расстались мы. Еще в глазах вся нега
Желанных глаз; все может губы сжечь
Яд милых губ; прикосновенье плеч
Всё сладко пальцам. Но, летя с разбега,—
Земля швырнула нас к иному дню,

Кружась, срок создает до новой встречи.
Найду ль. я вновь те губы, веки, плечи
Иль в бездну мигов счастья сон сроню?
Лети, лети, земля, путем планетным,
В пустыне сфер крути живой волчок,—
Чтоб, малый, атом, я, изжив свой срок,
Мог страстный вздох вернуть устам за-
претным!

1920

ДВЕ ВАЗЫ

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать
В палящей мгле, над близкой бездной,—
В них миро сладкое вдыхать,
Жить странной тайной аромата,
Пока зловещий глаз Геката
Не врежет вдруг в ночную гладь,
Спалив сияньем отсвет звездный,
Тогда живой фиал поднять
К трехликой, в высь, к лучам, ad astral[2]
И вот, пред тем, как телом стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.
2—3 августа 1920

НОЧНАЯ УЛИЦА

Фонарей отрубленные головы
На шестах безжизненно свисли,
Лишь кое-где оконницы голые
Светами сумрак прогрызли.
Бреду, спотыкаясь по рытвинам
Тротуара, в бездонном безлюдьи;
Только звезды глядят молитвенно,
Но и они насмешливо судят.
Звезды! мы — знакомые старые!
Давно ль вы в окошко подглядывали,
Как двое, под Гекатиными чарами,
Кружились, возникали, падали.
Когда же вчера вы таяли,
Уступая настояниям утра,
Вы шептали, смеясь: не устали ли
Губы искать перламутра?
Так зачем теперь отмечаю я
Насмешку в лучах зазубренных,
Что в мечтах — канун безначалия
В царстве голов отрубленных;
Что не смотрите ласково-матово,
Как, замкнув рассудочность в трюме, я
По Москве девятьсот двадцатого

Проплываю в ладье безумия!

20—22 августа 1920

ХМЕЛЬНЫЕ КУБКИ

Бред ночных путей, хмельные кубки.
Город — море, волны темных стен.
Спи, моряк, впивай, дремля на рубке,
Ропот вод, плеск ослепленных пен.
Спи, моряк! Что черно? Мозамбик ли?
Суматра ль? В лесу из пальм сквозных,
Взор томя пестро, огни возникли,
Пляски сказок... Вред путей ночных!
Город — море, волны стен. Бубенчик
Санок чьих-то; колокол в тени;
В церкви свет; икон извечный венчик...
Нет! бред льнет: в лесу из пальм огни.
Спи, моряк, дремля на рубке! Вспомни:
Нега рук желанных, пламя губ,
Каждый вздох, за дрожью дрожь, истом-
ней...

Больше, глубже! миг, ты слишком груб!
Колокол в тени. Сов! сон! помедли,
Дай дослушать милый шепот, вкинь
В негу рук желанных — вновь! То бред ли,
Вод ли ропот? Свод звездистый синь.

Чьи-то санки. Пляска сказок снова ль?
Спи, моряк, на рубке, блеск впивай.
Город — море. Кубков пьяных вдоволь.
Пей и помни свой померкший рай.
1920

ДЛЯТСЯ, ДЛЯТСЯ...

Д лятся, д лятся, сцеплены, союзы,
Лентой алой скрепленные ночи.
Память! в нежной устали ворочай
Легкий пух зари в сумрак грузный!
Лунной влагой облик милый залит,
Тень на грудь — сапфирные запястья.
Вот он, вот, взор сдавленного счастья!
Змей, скользя, в глубокой ласке жалит.
Черный мрак над морем опрокинут,
Зыбля челн в неистовстве прибоя.
В звездность тайны падаем мы двое;
В холоде ль эфира плечи стынут?
Эос! Хаос блесков без названья!
Теплый мрамор ожил в теле гибком,
В неге слипших губ, к немym улыбкам,—
Вечность влить в мгновенья расставанья!
Память, смей! лелей земные миги!
Их за свет иных миров стереть ли? —

Смертной сети пламенные петли,
Брошенной столетьям в этой книге!
26 сентября 1920

РУКАМИ ПЛЕЧИ...

Руками плечи опоясаны,
Глаза с глазами смежены,
Друг друга сном огня пьянят они,—
Венчанных двое меж иных.
Миг кем-то где-то предназначенный!
Стонать бесплодно: пощади!
В воде столетий опрозраченной
Для зорких глаз палящий диск!
Кассандры рушащихся Илиев,
Иоанны Патмосов в огне!
Вы тщетно в выкриках таили гнев,—
Что будет, видя как в окне.
Еще весталка не ждала греха,
Еще не вызвал брата Рем,
Уже был избран меч Алариха
Жечь мрамор римских алтарей.
Нас так, с порога дней, провидели,—
Осенний луч с поры весны,—
В мечты все Сапфо, все Овидии,
Всех Атлантид слепые сны!

4 июня 1921

ОТ СТОЛЕТИЙ...

От столетий, от книг, от видений
Эти губы, и клятвы, и ложь.
И не знаем мы, полночь ли, день ли,
Если звезды обуглены сплошь.
В мире встанет ли новый Аттила,
Божий бич, божий меч, — потоптать
Не цветы, но мечты, что взрастила
Страсть, — хирамовым кедром под стать?
Солнце пятна вращает, циклоны
Надвигая с морей на постель,
Но не тот же ли локон наклонный
Над огнем мировых пропастей?
Чтобы око земное не слепо,
На мгновенье двум сближенным в смех —
От советской Москвы на Алеппо
Революции праздничный сбег.
И с земли до звезды, до столетий
Восстающих, — борьбе и войне
Этот огненный столп одолеть ли,
В наших строфах горящий вдвойне!
9—11 сентября 1921

ЧЕРЕП НА ЧЕРЕП...

Череп на череп,
К челюсти челюсть,
За тонкой прослойкой губ!
За чередом черед!
Пей терпкую прелесть,
Сменив отлюбивший труп!
Земли не насытит
Миллиардам скелетов!
Ей надо тучнеть, тучнеть!
Чтоб кино событий
Шло в жизни этой,
Ты должен любить — хотеть!
Как пещерный прапредок
(Вселенское детство!)
Грудь на груди, под смех гиен,—
Так, в истомах и бредах,
Выгибая хребет свой,
Отдавайся объятьям в плен!
Александр, Юлий Цезарь, Хлодвиг!
За чередом черед!
За соседним соседний! чтоб,
Свершивший свой подвиг,
Твой целованный череп

Опустили в последний гроб.

6 мая 1921

ЗАВЕС ВЕКОВ

В ДНИ, КОГДА...

В дни, когда Роком я кинут
В город, на жесткие камни;
В дни, когда медленно стынут
Прежде кипевшие страсти,—
Жребий заветный мной вынут;
Сказка столетий близка мне;
Завес веков отодвинут,
Прошрое снова у власти.
Вот словно волны нахлынут —
Фивы, и Дельфы, и Самний;
Вакховы тигры разинут
Кровью горящие пасти;
Дрот гладиаторы ринут...
Чу! плеск «vestalis et damai»![3]
Те же в восторге застынут,
Слушая миф о Иокасте...
Путь, что народами минут,
Жизнь, что была многодрамней!
Гулы трамвайные стынут
В звоне восточных запястий.

Октябрь 1919

РОМАНТИКАМ

Вам, удаленным и чуждым, но близким и милым.

Вам эти строфы, любимцы отринутых днем!

В зеркало месяц виденья бросает Людмилам,

С бледным туманом слита вереница теней;

С тихой и нежной мечтой о принцессах лилейных,

Рыцари едут в лесу за цветком голубым;

Жены султанов глядятся в кристальных бассейнах

В знойных гаремах, окутанных в сладостный дым.

Светлы картины, и чары не страшны; пропитан

Воздух великой тоской но нездешией страде!

В юности кем этот трепет тоски не испытан,

Кто с Лоэнгрином не плыл на волшебном челне?

Трезвая правда сожгла ваши чистые дали,
С горных высот мы сошли до глубоких низин;

С грохотом города стены холодные встали,
С дымом фабричным задвигались поршни машин.

Вышли другие, могучие силой хотений,
Вышли, чтоб рушить и строить на твердой земле,—

Но в их упорстве был отзвук и ваших стремлений,

В свете грядущего — луч, вас манивший во мгле!

Вам, кто в святом беспокойстве восторженно жили,

Гибли трагически, смели и петь и любить,
Песнь возлагаю на вашей бессмертной могиле:

Счастлив, кто страстных надежд здесь не мог утолить

1920

ОДИССЕЙ У КАЛИПСО

Сквозь легкий дым земных воспоминаний
Светлеет глубь заживленных страстей,
Я ль тот пловец, кто вносит к небу длани,
На берег брошен из морских сетей?
Я ль чуждый гость в чертоге крепкостен-
НОМ,

Где Калипсо кудель судьбы прядет,—
Днем на пиру сию блаженно-пленным,
В ночь с уст царицы пью пьянящий мед?
Как бред былой, скользят и тают лица
Друзей случайных, призрачных врагов;
Вновь, как во вне, мы двое, жрец и жрица,
Сквозь сонм льстецов проходим чтить бо-
ГОВ.

Но в час зари, чуть стают чары мрака,
Я восхожу на кручь прибрежных скал
Смотреть в туман, где спит моя Итака,
Внимать, как ропщет в даль бегущий вал.
Я ль в светлом доме островной сибиллы,
Вдыхая сладость элисийских нег,
Вздыхать готов о дымных безднах Скиллы,
В мечтах лелеять с шумом волн — побег?
Что мне, кто знал слепительности Трои,

Кто сирских пленниц к ложа́м нежным
влек,—

Ахайи скудной зеркало пустое,
Сны Пенелопы, Телемака рок?
Иль но пресыщен полным кубком славы,
Не отягчен венцом вселенной всей,—
Как нектара, жду нежащей отравы
Я, опытный, я, мудрый Одиссей?
28 августа 1920

ОДИССЕЙ У БЕРЕГОВ ФЕАКОВ (Одиссея, песнь V)

«**Б**удешь помнить!» Прогремела
Мне насмешка Посидона.
Коней бурных он направил
В глубь взволнованного лона,
В свой коралловый чертог.
Но всем ветрам предоставил
Выть над морем гневный бог,
Плещут, мечут пеной белой
Ярый Эвр, свирепый Нот,
Зверь Борей и Зефир юный;
Понт на шумные буруны
Мчит со мной мой утлый плот.

Все ж со мною — Левкотеи
Неземное покрывало,
Деву мудрости, Афины,
Что не раз в беде спасала,
Я, упорный, помяну.
Плот разрушенный покину,
Кинусь в мутную волну,
Буду плыть к земле смелее:
Знаю, гибельного дня
Сладость будет не такая!
Там, на берегу, Навсикая
Ждет, прекрасная, меня.
20 марта 1921

ЦЕЗАРЬ КЛЕОПАТРЕ

Нас влекут пурпурные ветрила,
Нежен вздох павлиньих опахал,
Терпкой влагой душно веет с Нила,
В жгучей сини Феб недвижно стал.
Мысли — четки. Выслушай, царица!
Ропот мой безумьем назови.
Пусть в тебе таит свой бред блудница,
Цезарь тож не новичок в любви.
Что ж! пред кем, скажи, в Александрии
Я сложил и фаски и венец,
Взор закрыл на распри мировые,
В Риме кинул золотой дворец?
Иль гетер в столицах шумных мало?
Иль не я владыка всех земель?
Но от хитрых ласк душа устала,
Что мне в снах Киприды лишний хмель?
Нет, египтянка! в изгибе строгом
Губ твоих, в огне холодном глаз
Понял я призыв к иным дорогам,
К большей глубин, соблаздившей нас.
Клонит лик пред сыном Афродита,
Эрос-Мститель гнет священный лук.
Пропасть высшей страсти нам открыта.

Чу! на дне — камней скользнувших звук!
Миродержец, днесь я диадемой
Царственной вяжу твое чело.
Не в Киферу нас влечет трирема,
В даль столетий — фатума весло.
Нам сужден ли сов мгновенной неги?
Прочь Гефестом кованная сеть!
Двум кометам в их надмирном беге,
Нам дано в пример векам алеть.
Так гори, согласно пламенея,
Огонь любви спеши со мной вдохнуть,
Чтоб с тебя он сжег клеймо Помпея,
Чтоб к клинку мне подготовил грудь!

1920

ГЕРО И ЛЕАНДР

Леандр

Геро, слушай! слышишь, Геро!
Рядом в лад стучат сердца.

Геро

Милый, нет! у башни серой
Ярость волн бьет без конца.

Леандр

Геро, лик твой жутко нежен,
Весь плывущий в лунном дне!

Геро

Милый, ах! луной взмятежен
Понт, взносящий вал во сне.

Леандр

Геро! грудью грудь согрета,
Руки слиты, дрожь в устах...

Геро

Милый! стужей млеет Лета,
Мчит в зыбях холодный прах.

Леандр

Геро! встанем! в свет победный
Бросим тело, бросим страсть!

Геро

Милый! грозно ветер бесследный
В море вскрыл пред смелым пасть.

Леандр

Геро! помни! веруй, Геро!
Прочны связи влажных губ!

Геро

Милый, ах! у башни серой —
Вижу твой взмятенный труд.
1920

БОТТИЧЕЛЛИ

Что затеял ты, Рок? не игрой ли
На арене веков занят ты?
Толпы бросил ты к Савонароле,
Руки, в знаке креста, подняты.
И от воли ль твоей, от речей ли
Исступленца, что длань распростер,
Возложил Сандро Боттичелли
Картины свои на костер?
Ты ль решил, чтоб слезой черно-палевой
Оплывала Венер нагота,
А народ, продолжая опаливать
Соблазн сатаны, хохотал?
Ты ли дым, над Флоренцией вскинутый,

Отвердил в извечный гранит,
Обратил в бесконечную скинию,
Где примеры вселенной хранить,
Чтобы помнили, видели, ведали,
Что нельзя Красоте перестать,
Калидасой встающей над ведами
И Рембрандтом над трупом Христа?
30 сентября 1921

ВСЕ ЛЮДИ

Все люди, люди и люди,
Всех осанок, величин и мастей,
Розетка мировых иллюзий,
За работой, на пир и в постель.
Все люди, теперь и прежде,
И в грядущем, взглянув за забор,
Повтор все тех же арпеджий,
Аккордов старых набор!
Ахилл ли, Терсит ли, Елена ль,
Поэт, чиновник, король,—
Весь сверток земной вселенной —
Под печатью одна бандероль!
А, быть может, на синих планетах —
Чудовища, владыки стихий,
О чем не молчали в сонеты,

Чего не блистало в стихи!
А, быть может, в огне иль в незримом,
Демоны, дьяволы — вы,
Кто плыает мимо, мимо,
Презирая кивком головы!
8 июня 1921

ПРИВЕТСТВИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

В дни победы, где в вихре жестоком
Все бывшее могло потонуть,
Усмотрел ты провидящим оком
Над развалом зиждательный путь.
Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем, конечную цель.
Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.
В ослеплении поднятый молот
Ты любовной рукой удержал,
И кумир Бельведерский, расколот,
Не повергнут на свой пьедестал.
Ты широко вскрываешь ворота
Всем, в ком трепет надежд не погиб,—
Чтоб они для великой работы
С сонмом радостным слиться могли б,

Чтоб под черными громами, в самой
Буре мира — века охранить,
И вселенского ясного храма
Адамантовый цоколь сложить.
1920

К. Д. БАЛЬМОНТУ

*Чахлые сосны дорогу к лазури найдут.
К. Бальмонт*

Ты нашел свой путь к лазури,
Небом радостно вздохнул,—
Ведал громы, видел бури,
В вихрях взвевянных тонул;
Славой солнца опьянялся,
Лунной магией дышал,
Всех пленял и всем пленялся,
С мировой мечтой дрожал;
И дождем с высот небесных,
Алым облаком горев,
В строфах жгучих и чудесных
Ты спадал на новый сев!
Влагу огненную жадно
Пили тысячи семян,
Чтоб весной в парче нарядной

Ликовала даль полян.
Пусть погасло пламя в небе,—
Под землей огонь твой жив:
Светел Рок, завиден Жребий
Тех, кто умер, жизнь разлив!
Беглый блеск прощальных вспышек
Тайно манит, как магнит:
То — твоих лучей излишек
В глубине зарниц горит!
22— 23 февраля 1919

ПАМЯТИ ОДНОЙ

Помню, помню: вечер нежный;
За окном простор безмолвный;
Белой яблони цветы;
Взор твой, милый, неизбежный,
Миги катятся, как волны,
В целом мире— я и ты.
Помню, помню! это было,—
Словно в пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лет назад!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко—
В новый рай и в новый ад.
Розы, лавры, олеандры,

Лица с черными глазами,
Плеск побед, падений стыд...
Как в видении Кассандры,
Тень Стигийская меж нами,
Окровавлена, стоит.
Нет к прошедшему возврата,
Все в пространстве по орбитам
Мы должны вперед скользнуть.
Стать чужими — вот расплата
За блаженство: в теле слитом
Сердце с сердцем соединить!
28 мая. 1930

ПАМЯТИ ДРУГОЙ

Ты здесь, на ложе ласк неверных,
Обманывающих приближений,
В правдиво-лицемерный миг,
Во мгле, как в пропастях безмерных,
Астральной властью отражений,
Твой облик надо мной возник.
И ты, от близостей отъята,
Уже не здесь вливаешь свету,
Где я еще влачусь за тьмой,
Но помнишь, странные когда-то,
Нас обручившие обеты

И горько слышишь ропот мой.
Твое обиженное тело
Землей и травами прикрыто,
Но здесь, со мной, твоя любовь;
Смотри ж из темного предела
На все, что в смерти не забыто,
Что, жив, я изживаю вновь.
В блаженной неге униженья
Я оцет пью из груди милой,
Отвести клинок стыда без сил,—
Прими мой бред — как искупленье:
Им ныне над твоей могилой
Венок из строф я возложил.
1920

МАДРИГАЛ

Имя твое — из золота,
Маленький, сверкающий слиток,
Под ударом кирки и молота
В ледяном Клондайке открытый.
Имя твое под любовными
Ласками солнца светится,
Но лучи его робки, словно им
Опасно соперничество месяца.
Но я знаю, верю, и ночью оно,
Под лунным поцелуем бесплодным,
Необлещено, неопорочено,—
Пламя во тьме холодной.
Пусть ветер взлетает с полюса,
Пусть пустыня снежная стелется,
Иль иглами жгучими колется,
Смеясь над прохожим, метелица,—
В стране молчанья и холопа,
Над белым, над мертвым простором,
Имя твое из золота,
Милое имя— Дора!
16 февраля 1921

К АДАЛИС

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забутым ветром вновь вздохнуть.
День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;
Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.
Она стибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.
Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять —
В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм, — с уступа на уступ.
21 июля 1920

К А —

Шаги судьбы по камням мира, свисты
Стрел Эроса, соль моря — любишь ты.
Я — этой ночью звезд расцвет лучистый,
Тишь этих узких улиц, этот мгlistый
Бред темноты.
Ты в каждом знаке — ищешь символ сути,
Ведешь мечту сквозь тени к вечным
снам.—

Мне все сказалось, в играх лунной ртути;
За смысл миров, — того, что есть в минуте,
Я не отдам.
В отвесах стен ты знаешь облик Рима,
В полетах ветра дум нездешних струй.—
Я жадно в стих ловлю лишь то, что зримо:
Миг, сладкий миг, как сон бегущий ми-
мо,—

Твой поцелуй.

1920

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты, предстоящая, с кем выбор мой!
Стань смело здесь, где робок посвящен-
ный,

По власти, мне таинственно врученной,
Твое чело вяжу двойной тесьмой;
В кольцо с змеями, знак инвеституры,
Твой тонкий палец заключаю; меч
Тебе влагаю в руку; нежность плеч
Скрываю в плащ, что соткали лемуры.
Пред алтарем склонись, облачена:
Те две тесьмы — сиянье диадемы;
Ей тайно венчаны, поэты, все мы,
Вскрывает путь в огонь веков она.
Те змеи, — символ мудрости предельной,
Они все миги жгуче в нас язвят,
Но их губительно-целящий яд
Из смерти душу возвращает цельной.
Тот меч — как знаменье, что жизнь тебе
Прорежет сердца остро в глубоко,
Что станешь ты победно одинока,
Но не уступишь ни на шаг судьбе.
Тот плащ, тебе сокрывший зыбко плечи,
Сны отрешает от страстей людских;

Отныне ты — лишь призрак для других,
И для тебя — лишь призрак дни и встречи.
Ты в оный мир вознесена, где нет
Ни слов лукавых, ни черты случайной,
И се — я, тавматург, пред новой тайной,
Клоню колена пред тобой, Поэт!
30— 31 августа 1920

А ЗДЕСЬ, В УМЕ...

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Было? Не знаю. Мальстрёмом крутящим
Дни все, что было, сметают на дно.
Зельем пьянящим, дышу настоящим,
Заревом зорь мир застлало оно.
Прошрое сброшу, пустую одежду;
Годы — что полки прочитанных книг!
Я это — ты, ныне вскинутый, между
«Было» и «будет» зажегшийся миг.
В первый раз поле весной опьянело,
В первый раз город венчала зима,
В первый раз, в храмине туч, сине-белой
Молнией взрезана плотная тьма!
В первый раз, в первый — губ нежная
влажность
Губы мне жмет, я ловлю в первый раз
Грудь на груди вздохов страстных протяж-
ность,
Жуть, счастье, муку закинутых глаз.
В первый раз мысль, в жгучей зоркости,
верит

Зовам толпы, с буйством жизни слита:
Строить, крушить, в битву ринуться! Перед
Целью веков ниц простерта мечта.
Грозы! Любовь! Революция! — С новой
Волей влекусь в ваш глухой водомет,
Вас в первый раз в песнях славить гото-
вый!

Прошлого — нет! День встающий — зовет!
23 ноября 1920

ВО МНЕ

Воспоминанья стран, — вопль водопадов,
Взлет в море волн, альпийских трещин
жуть,

Зной над Помпеями, Парижа адов
Котел, за степь гремящей тройки путь.
Все, — и провал в палящие полотна
Да Винчи, мраморный вздох Афродит,
Разливы книг с их глубиной болотной,
Дум молнии, цифр гибельный гранит.
Все, — Город Вод, с блистаньем орихалка,
С нагой Иштар, где смерть, в подземный
ПЛЕН,

В мечты Геракла, где Омфалы прялка,
За Одиссеем в знойный зов сирен.

Вас, также вас, — костры ночей изжитых,
Двоим один, слов не обретший, бред,
Губ хрипло слипших, рук несыто слитых,
Дорог сквозь тайны радиевый след.
Вас, вас еще, — часы трудов державных,
Восторг стихов, вдаль вскинутые сны,
Вас, миги зоркостей, слепых и явных,
Горн революций, пестрый плащ войны.
Все, все во мне, круги живых вселенных,
Преображенных, вновь зажженных мной,
Корабль сокровищ, от мостов мгновенных
Влекомый в вечность роковой волной.

17 сентября 1920

БУДЬ МРАМОРОМ

*Ты говоришь: ограда меди ратной...
Адалис*

Будь мрамором, будь медью ратной,
Но воском, мягким воском будь!
Тепло судьбы благоприятной
Всем существом умей вдохнуть!
Так! не сгорая и не тая,
Преображай знакомый лик,
Предельный призрак выдвигая,
Как свой властительный двойник!
Захвачен вихрем ярко-юным,
Что в прах свергает алтари,
Гори восторженным трибуном,
Зов бури вольно повтори!
Меж «юношей безумных», вкован
В живую цепь, к звену звено,
Славь, с неустанностью взволнован,
Беспечность, песни и вино!
В сонм тайный мудрецами принят,
Как древле Пирр в совет царей,
Все, что исчезло, все, что минет,
Суди всех глубже, всех мудрей!

А в поздний час, на ложе зыбком,
В пыланье рук включен, как в сеть,—
Улыбкой дарственной — улыбкам,
Мечте — мечтой любви ответь!
Являй смелей, являй победней
Свою стообразную суть,
Но где-то, в глубине последней,
Будь мрамором в медью будь!
4 сентября 1920

ДЕНЬ

Еще раз умер, утром вновь воскрес;
Бред ночи отошел, забыт, отброшен.
Под серым сводом свисших вниз небес,
Меж тусклых стен, мир ярок и роскошен!
Вновь бросься в день, в целящих водоем,
Скользи в струях, глядись в стекле глубо-
КОМ,
Чтоб иглы жизни тело жгли огнем,
Чтоб вихрь событий в уши пел потоком!
Хватай зубами каждый быстрый миг,
Его вбирай всей глубиью дум, всей волей!
Все в пламя обрати: восторг, скорбь,
вскрик,
Есть нега молний в жале жгучей боли!

Час рассеки на сотню тысяч миль,
Свой путь свершай от света к свету в без-
днах,

Весь неизмерный круг замкнув, не ты ль
Очнешься вновь, живым, в провалах звезд-
ных?

Борьбой насытись, выпей яд любви,
Кинь в сушь сознаний факел дневной пес-
ни,

Победы блеск, стыд смеха изживи,—
Умри во мгле и с солнцем вновь воскрес-
ни!

24 августа 1920

В СМЕРТЬ

В смерть, в вечный гром, в горящий вихрь,
быть может,

Быть может, в темь, в провал, в ничто —
все я!

Вот эти скрепы рук червь алчно сгложет,
Пять строк историка — смысл бытия.

А здесь, в уме, разбега дум свистящих,
Колеса, поршни, рычаги машин,

Тигр с тигром, с змеем змей в деканских
чащах,

Злой глаз ихтиозавров из глубин.

Здесь дни, где слеп от солнц желаний рдя-
ных,

Ночи, где жив костром сплетенных рук,

Плыть по безумью, челн меж скал в туман-
нах,

Целить в врага сквозь серп колючих юкк!

Всход в башни книг по лестницам спи-
ральным,

Срыв вниз в котел шипящих городов;

Вдохнув их бред, зажечь мечом сигналь-
ным

На самой круче века оклик строф.

И все, все — труп, тук цепким повиликам,
Соблазн стихов — влюбленным двум, чтоб
влечь

В столетьях чуждых, чьих-то, с лживым
вскриком,
В позор объятий иль под мрачный меч!
5—6 сентября 1920

ПРЕДЕЛЫ

Пределы? нет их!
Цель — бесконечность!
Из песен петых —
Звездная млечность.
Там дальше — туманность
Ориона иль Лиры...
Отточенных слов чеканность,
Лезвием секиры.
Канат корабля отруби!
Новых норманнов наезды!
Мелкие отруби,
Рассыплются звезды.
Земля? — зелененький мяч!
Луна? — нет совсем!
Человеческий плач
В пространствах нем.

Вне изведанных стран дыши
Потоком твердым эфира!
Прощайте, милые ландыши,
Орион и Лира!
25 августа 1920

ОДНО ЛИШЬ

Я ль не искал под бурей гибели,
Бросая киль в разрез волны,
Когда, гудя, все ветры зыбили
Вкруг черный омут глубины?
Не я ль, смеясь над жизнью старящей,
Хранил всех юных сил разбег,
Когда сребрил виски товарищей,
Губя их пыл, предсмертный снег?
Ах, много в прошлом, листья спадшие,
Друзей, любовниц, книг и снов!
Но вновь в пути мне братья младшие
Плели венки живых цветов.
За кругом круг сменив видения,
Я к новым далям страсть донес,
Пью грозы дней земных, не менее,
Чем прежде, пьян от нежных слез.
К чему ж судьбой, слепой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,

И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?
Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросать назад.
9 января 1921

ПЕРВЫЙ МЕРИДИАН

Через сердце к весеннему полю,
Первый проводи меридиан:
Он упрется в точку, где полюс
Полярной звездой осиян.
И от этого мига жалеть ли
Путей вперед и назад,
Там и в прошлом все тысячелетья,
И в грядущем дерзко грозят.
Расточить, как щедрый наследник,
На пиру этого дня умей —
Мудрецов, поэтов, проповедников
Клад, что собран в твоём уме.
Пусть кровь твоя просочится
В века из земной ризницы,
Где будут кормиться волчицей
Реи иной близнецы.

От вселенной тебя ли отыдем?
Всех солнц разорвется связь,
Вихрями в пустоте золотыми,
Калейдоскопом нелепым резвясь.
Меч от зенита к надиру
Насквозь тебя пронизал:
Над вечностью им балансируй
В бесконечности тронных зал.
3 июня 1921

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Мясорубками тело измолото,
День за днем, день за днем, день за
днем.

Почему же нетленны и молоды
Губы мальв за вселенским плетнем?
Расстилаться, дробясь под колесами...
Это ль я? где же я? кто же я?
Не ответит за волжскими плесами
Мне последняя ворожея.
Отстраняю в безумьи ладонями
Беглый миг, бледный лик, тот двойник.
Но ликующий месяц над донями
До глубин заповедных проник.
Так рубите, рубите, рубите

День за днем, день за днем, день за днем.
По мечтам, по путям, по орбите
Пред огнем мы кометы метнем.
Что во сне на земле, — повторится
В голубых и пурпурных краях.
Пей жемчужину в уксус, царица,
Клеопатра, Марго, Таиах!
Эти трепеты груди прозрачны,
Кровь под жалами пламенных стрел,
Чтобы, крылья смежив, новобрачный
До глубин заповедных смотрел.
14 июля, 1921

Примечания

1

Классическая Вальпургиева ночь (нем.).

[^^^]

К звездам (лат.).

[^^^]

3

Весталки и развратника (лат.).

[^^^]